

Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Исследовательская группа «ЦИРКОН»

**«ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»**

Отчёт о работе круглого стола (18.12.09)

Круглый стол «Проблемы обеспечения качества и перспективы стандартизации в социологических исследованиях» проведен 18 декабря 2009 г. по инициативе факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета и Исследовательской группы ЦИРКОН. Это мероприятие стало отнюдь не первым шагом организаторов в деле обсуждения и популяризации проблем управления качеством в социологических исследованиях. В частности, в 2009 г. факультет социологии СПбГУ и ЦИРКОН провели совместный эксперимент по комплексной внешней оценке (экспертизе) качества исследовательского проекта¹. Неоднократно эта проблематика становилась и предметом публичного академического обсуждения, например, в рамках ежегодного симпозиума «Методология мультидисциплинарных исследований»². Вместе с тем, пожалуй, впервые было организовано мероприятие, специально и целиком посвященное качеству и стандартам социологического исследования.

Поскольку круглый стол был позиционирован как преимущественно методологический – предполагалось обсуждение практических вопросов управления качеством исследования – к участию в нем были приглашены специалисты, ранее проявлявшие интерес и публично высказывавшиеся

по данной теме. При этом организаторы стремились собрать вместе представителей академической и прикладной социологии, «количественников» и «качественников», «столичных» (в т.ч. «московских» и «питерских») и «провинциальных» исследователей. Были приглашены представители социологической и «околосоциологической» общественности. Еще одним важным

¹ Соколов Н.В., Скворцов Н.Г., Козлов А.П., Задорин И.В. Независимая экспертиза качества в эмпирических исследованиях гражданского общества: совместный эксперимент факультета социологии СПбГУ и АНО «Социологическая мастерская Задорина». // Эмпирические исследования гражданского общества. Сборник материалов общественных слушаний (25.09.09)/ Сост. А.М. Лопухин. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2009. – С. 153- 157.

² Отчет о 17-й Международной конференции «СПИД, рак и общественное здоровье» 26 мая- 2 июня 2008 г., Санкт-Петербург, Россия. // Русский журнал «СПИД, рак и общественное здоровье» (2009) Т.13, №1 (26), С.7; Отчет о 16-й Международной конференции «СПИД, рак и общественное здоровье» // Русский мультидисциплинарный журнал. (2008) Т.12, №1 (24), С.9.

моментом, повлиявшим на состав участников, стал интерес к данной теме со стороны исследователей, работающих в смежных отраслях и участвующих в мультидисциплинарных исследованиях – психологии, медицине, биологии – в которых, в частности, накоплен богатый опыт в области контроля и подтверждения качества. Наконец, нельзя не упомянуть и представительство на нашем мероприятии, по крайней мере, двух социологических журналов.

Формат круглого стола подразумевал равноправное участие всех приглашенных в дискуссии, которая была организована «по кругу». Организаторы мероприятия сознательно настраивали участников на то, чтобы отказаться от привычного жанра заранее заготовленных презентаций в пользу «живого» обсуждения. Для этого в текст официального приглашения был включен перечень вопросов, которые предполагалось обсудить в ходе заседания. Модератор пользовался этим перечнем, предлагая участникам высказываться по отдельным, достаточно конкретным вопросам и направлениям. Дискуссия продолжалась около пяти часов с перерывом на кофе. Было проведено два полных «круга» обсуждения, в которых высказались все 17 участников круглого стола. Ниже представлены конспекты всех выступлений, основанные на расшифровке аудиозаписи мероприятия. При подготовке данного материала, участникам была предоставлена возможность отредактировать конспекты своих выступлений.

Открывая работу круглого стола, **Н.Г. Скворцов, проректор по научной работе СПбГУ, декан факультета социологии** определил вопросы стандартизации и управления качеством в социологических исследованиях как новое и очень интересное направление, корни которого уходят в многолетний опыт мультидисциплинарных исследований.

Тесное взаимодействие специалистов в области социальных и естественных наук породило интерес, с одной стороны, к анализу применимости в социологии принятых в естественнонаучной сфере методов верификации процедур измерения, а с другой, к поиску собственно социологических оснований для подтверждения достоверности и правильности исследовательских данных,

качества исследовательского продукта. Работа в этой области ведется на факультете уже около десяти лет, и этот круглый стол стал очередной вехой в её эволюции, свидетельствующей как об актуальности заявленной тематики, так и о готовности сотрудников университета представить свои достижения для публичного обсуждения. В контексте предстоящей дискуссии необходимо вспомнить о попытках принятия Профессионального кодекса социолога, предпринятых Санкт-Петербургской ассоциацией социологов несколько лет назад. И хотя формально этот документ так и не был принят, опыт по его разработке и обсуждению является очень интересным, а сам документ вполне может использоваться в качестве руководства к действию теми исследователями, которые его разделяют. Другой актуальный для СПбГУ вопрос – это разработка

собственных образовательных стандартов, право на которую получено совсем недавно. Если раньше стандарты вырабатывались на уровне УМО, которое базировалось в МГУ, то теперь приходится рассчитывать на собственные силы. Проблема прежних стандартов в том, что они были универсальны для всех учебных заведений, кто готовил социологов. Поэтому эти документы не учитывали специфику отдельных ВУЗов, например, наличие или отсутствие специалистов по определенным дисциплинам, уровень методического обеспечения, готовность учебников и т.п. В этом проблема универсальных стандартов. А индивидуальный стандарт – это ответственность, которую исполнитель сам на себя накладывает соответственно своим возможностям и компетенциям. Но дальше этот норматив нужно выполнять, соответствовать заявленному уровню качества. И здесь, как и при разработке стандарта, ведущую роль должно играть профессиональное сообщество, одним из моментов работы которого и является данное обсуждение, данный круглый стол.

Модератор круглого стола Д.П. Гавра, заведующий кафедрой факультета журналистики СПбГУ заметил, что дискуссия по поводу того, возможно ли каким-то образом выйти на стандарты качества в социальных

науках идёт достаточно долго и касается не только эмпирической социологии, но и психологии, прикладной политологии, маркетинга и др. смежных дисциплин. Как только начинается измерение, встает вопрос о качестве измерения, о критериях и способах соотнести измерение с определенными обоснованными нормативами.

А поскольку эмпирическая социология представляет собой сегодня уже не только академическую научную, но и производственную деятельность, то вопрос о качестве – это и практический вопрос функционирования данного рынка. А стандартизация – один из способов удалить из этого бизнеса всякого рода недобросовестных конкурентов, мошенников, тех, кто демпингует.

У организаторов и участников этого круглого стола уже есть некоторый опыт профессиональной работы в данной тематике. В Лаборатории «Центр социологических исследований» под руководством Н.В.Соколова начиная с 2001 г. проводятся экспертизы качества исследовательских проектов. Одна из последних крупных работ – комплексная экспертиза исследования, выполненного исследовательской компанией ЦИРКОН, которая выступает соорганизатором этого круглого стола. Уникальность этой экспертизы, реализованной в рамках совместного эксперимента факультета социологии СПбГУ и ЦИРКОНа в том, что фактически создан прецедент применения этой процедуры в целях саморегулирования профессионального сообщества. В этой связи необходимо с благодарностью отметить роль участвующего в круглом столе И.В. Задорина, который выступил пионером в этом деле и первым из руководителей исследовательских компаний решился на полномасштабную «проверку» своей работы.

СПбГУ и ЦИРКОН пригласили профессионалов – исследователей для обсуждения широкого и болезненного круга вопросов, в котором кроме методологических подходов к оценке возможностей измерения социальных объектов просматриваются и такие практические, решение которых неизбежно выводит на взаимодействие с государственными органами – это стандартизация, лицензирование, сертификация и т.д. Но в этом теме нельзя игнорировать и такой аспект как коррупция – реальная, которой можно противодействовать названными средствами, и потенциальная, угроза которой видится в самом процессе стандартизации. Поэтому важно подчеркнуть, что наше обсуждение не преследует цели монополизации этого проблемного поля и навязывания своей точки зрения остальным участникам исследовательского рынка.

Далее началось обсуждение «по кругу» - участникам последовательно предоставлялась возможность высказаться по поводу предложенных модератором тем и вопросов. В **первом «круге»** модератор поставил перед приглашенными следующие вопросы: *О каком стандарте качества правомерно вести речь применительно к сфере социологических исследований? Различаются ли стандарты качества в исследованиях различного типа – академических и прикладных, количественных и качественных, позитивистских и феноменологических и т.п.? Возможно ли ставить вопрос о минимальном стандарте качества, универсальном для всех исследований?*

Открывая дискуссию, **Р.С. Могилевский, научный руководитель Агентства социальной информации (Санкт-Петербург)** отметил, что понятие стандарта социологи заимствую из других и очень разных областей деятельности.

Причём ведущие побудительные импульсы для данного обсуждения происходят не из научной сферы, а из *политической*. Именно политика определяет реальность современного социологического рынка – финансовую, конкурентную и неконкурентную и т.д. А потому позиция в отношении стандартизации исследований это неизбежно общественная позиция, в том смысле, что данный разговор неизбежно будет иметь некоторый резонанс в профессиональном сообществе. Стандартизация применительно к социологии представляет собой метафору, в том смысле, что сам стандарт качества – это *образ продукта*, на который ориентируются участники рынка. Такие образцы можно найти в академической науке, например – для своего времени образцовым было исследование В.А.Ядова «Человек и его работа». Сегодня очень важной, серьезной и срочной проблемой является формирование *рынка демоскопической информации*. Какое место в информационном обороте должны занимать операции с демоскопической информацией, остаётся ли роль операторов за определенным сегментом социологической отрасли, которая занимается количественными исследованиями согласно некоторым стандартам – сегодня это, скорее, только вопросы. Вторая составляющая стандартизации – это поиск, разработка *индикаторов* и способов проверки их верифицируемости. Ответ на вопрос о

минимальном стандарте абсолютно очевиден – такой стандарт должен сходу отсекал то, что не относится к нашей работе. Другой вопрос, должны ли заниматься созданием этого стандарта специалисты, работающие в области демоскопии, или те, кого сейчас именуют *manager of methodology* – универсальные специалисты в области количественных исследований в разных областях знания. Вполне возможно, именно они должны научить нас стандартизации или даже создать такой стандарт.

В.Б. Звоновский, Президент Фонда социологических исследований (Самара), представитель Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89» начал свое выступление с того, что высказал два сомнения относительно возможности стандартизации исследовательского процесса.

Во-первых, не вполне понятна форма стандарта/минимального стандарта – в чем именно эти стандарты могут выражаться. Особенно в ситуации, когда речь идет не об аналитике, а о количественном исследовании в целом. Во-вторых, практика всероссийских исследований показывает очень серьезные различия между локальными исследовательскими культурами. Например, это касается взаимодействия интервьюера и респондента, которое может совершенно по-разному происходить в Самаре, Москве и Петербурге. Фактически получается, что в рамках одного исследования, одной общей инструкции нередко реализуются разные методики, формы опроса. Первое, что можно предпринять в этих условиях, это сделать исследовательские данные открытыми, доступными. Ассоциация региональных социологических центров пытается это делать, причём стратегия состоит в том, чтобы представлять результаты максимально подробно, вплоть до полевых матриц, доступных для обработки. Такая практика в мире существует, и многие исследователи пользуются данными, которые размещаются на Интернет-сайтах. Перед тем, как формировать стандарты, нужно хотя бы понять, чем именно располагаешь, что реально реализуется в ходе опроса, провести некоторые методологические исследования. А для этого нужно, во-первых, это понять, а во-вторых, представить в понятном для коллег виде. Вот это и означает открытость данных. К сожалению заказчики – как бизнес, так и государственные органы часто стремятся закрыть результаты исследований. В рамках Ассоциации были сформулированы предложения по изменению взаимоотношений исследовательских компаний и заказчиков, органов власти в т.ч. в том, чтобы публиковать хотя бы «сырые» данные в той части, в которой они не являются секретом.

М.Г. Мацкевич, Председатель правления Санкт-Петербургской ассоциации социологов отметила уникальность происходящего обсуждения, прежде всего, в плане участия в нем как представителей академической науки, так и полстеров.

Если обратиться к международному опыту, то внутренние и внешние регуляторы чаще оказываются различными для этих двух сегментов профессионального сообщества. Внутренним регулятором для академических исследователей выступает формализованный *этический кодекс*. Такие кодексы принимают социологические ассоциации. В качестве внешних ограничителей можно упомянуть *правила представления данных* в

социологические журналы. Причём правила отнюдь не являются едиными – одни журналы требуют от авторов многоуровневого статистического анализа количественных данных, другие принимают в качестве публикации рассуждения на уровне простых распределений. Некоторые минимальные правила уже вошли и в российскую практику – описание выборки, упоминание параметров репрезентативности, методов сбора данных и т.п. Правда, в вопросах публикации далеко не все зависит от социолога. Например, СМИ долго отказывались такую информацию публиковать, ссылаясь на дефицит места. Сейчас уже вошел в обиход минимальный стандарт – упоминание количества опрошенных, организации-исполнителя, времени проведения. В определенной мере здесь сказалось влияние закона о выборах, который регламентирует публикацию результатов предвыборных опросов. С другой стороны, данные, которые предоставляет автор публикации соответственно этому минимальному стандарту, никто не проверяет, и только репутация исследователя выступает гарантом от их фальсификации.

Стандартизация – это встречный процесс. Это не только то, к чему готов исследователь, но и уровень требований внешней среды, заказчика. В наших условиях, не секрет, заказчик хочет «подешевле». Пока мы недостаточно воспитали заказчика, чтобы он понимал, что качество стоит определенных денег. Даже такие признанные грантодатели как РФФИ и РГНФ систематически сокращают запрашиваемые исследователями бюджеты. А это означает, что для выполнения количественного исследования на более-менее приличном уровне, исследователь вынужден жертвовать свою зарплату и зарплату других участников проекта. Другими словами, социолог сегодня жертвует своими финансовыми интересами для того, чтобы соблюсти некий стандарт, который он сам себе и установил. А в ряде случаев он вынужден идти и на компромисс – снижать планку соответственно финансовым возможностям проекта.

Отдельный вопрос – спасает ли соблюдение методики и процедуры исследования от злоупотребления данными? Ведь часто аудитория предъявляет претензии социологам по поводу данных, которые были намеренно или нет искажены журналистами, некорректно опубликованы. Является ли исследовательский продукт артефактом, и спасают ли от его искажения внутренняя честность и профессионализм исследователя?

А.П. Козлов, директор Биомедицинского центра (Санкт-Петербург) рассказал, что его интерес к социологическим измерениям возник в процессе исследований в области СПИДа, в которых выяснилось, что социальные объекты не всегда можно измерить точно.

В ряде случаев ошибки измерения оказываются таковы, что в ходе двух замеров получаются результаты с точностью до «наоборот». Разрешить эту коллизию и призвана стандартизация, идея которой происходит из физики. Но, следует заметить, что стандарты в различных естественнонаучных отраслях существенно отличаются. Если в физике речь идет о

некоторых эталонных объектах, с которыми можно сравнивать иные объекты, то, например, в биологии и медицине под стандартизацией понимают уже процедуры контроля качества. В биомедицинском сообществе считается, что измерение не существует, если в отношении него не реализован внутренний и внешний контроль качества. Чтобы результаты, полученные определенной лабораторией, были признаны, необходимо участие внешней лаборатории, необходимы эксперименты, подтверждающие компетенцию исследователей. Причём речь не идет о какой-то идеальной, самой лучшей лаборатории, которая является эталоном. Просто сообщество избирает лабораторию для подготовки закрытых задач с известными кодами (ответами), распределения этих задач и проверки результатов. Участие в таких контрольных экспериментах является обязательным условием работы организации – в противном случае её результатам никто не будет верить. На контрольные измерения тратится 10% всех исследовательских бюджетов – нужно понимать, что только такие объемы затрат позволяют обеспечить профессиональный уровень.

Данная дискуссия фактически выходит на вопрос о создании *Палаты мер и весов* для социологии. В действительности, социология проходит практически те же стадии развития, которые естественные науки прошли в 19 веке. Множество национальных систем измерения длины, веса, объема и т.д. (сравним с множеством социологических парадигм и методических подходов) вызвало к жизни метрическую систему, которую, кстати, международному сообществу предложили российские учёные – Д.И. Менделеев и коллеги. Созданная Палата мер и весов – это не только сами эталоны, но и стандарты на их хранение, применение и т.д. вплоть до определенной измерительной политики, которую этот институт вырабатывает.

Очень важно соотношение фундаментального и технологического знания. Именно технологии более стандартизированы, потому что они должны давать устойчивый результат там, где фундаментальная наука наблюдает нечто неопределенное. Что такое стандарт? Это совокупность документов, которая определяет ответственность измеряющего перед заказчиком и обществом. Если заказано измерение, оно должно соответствовать ГОСТу, а это определяет и цену

данной процедуры (по крайней мере – минимальную). Но цена тоже не может быть безгранично высокой. Современная физика позволяет измерять длину с точностью до половины длины волны, но это настолько дорого, то никто этой возможностью не пользуется, измеряют с меньшей точностью и погрешностями. Получается, что стандарт – это компромисс между желаемым и возможным, определяющий меру приблизительности измерения. Социология встала на путь поиска этой меры так же, как раньше это сделали физики и биологи. И, скорее всего, социологическое сообщество сможет выработать искомые критерии, определяющие качество социологических измерений.

Далее слово взял **И.В. Задорин, руководитель исследовательской группы ЦИРКОН (Москва):**

Я полагаю, что задача стандартизации возникает тогда, когда некоторое действие становится массовым, тиражируется и воспроизводится. Уникальные процессы, в т.ч. и научные исследования, не требуют и не допускают стандартизации. Когда же исследовательская деятельность становится *индустриальной*, т.е. когда число однотипных измерений и число измерителей, выполняющих эти однотипные измерения, вырастает в разы, возникает необходимость сопоставлять, сравнивать и классифицировать эту деятельность. Поэтому следует говорить о стандартах для *определенного класса исследований*, выводя за рамки этого разговора иные, например, академические исследования, для которых уникальность остаётся одним из

основных критериев качества.

Тот, кто работает со стандартами ISO по управлению качеством, знает, что они постепенно модифицируются. Сейчас тенденция такова, что главным критерием качества считается удовлетворенность *потребителя*. Это очень рискованный процесс, особенно для нашей отрасли, потому что потребитель сам может быть удовлетворен тем, что профессионал никогда качественным не признает (пониженные требования). В этой связи можно сказать, что проблема удовлетворенности и вообще потребления отраслевого продукта не является проблемой только профессионального сообщества, она выходит за пределы отрасли. Получается, что социолог-исследователь заинтересован в появлении определенных стандартов, задающих хотя бы ограничения снизу для его деятельности (т.е. чего делать точно нельзя). А некачественное, халтурное, фальсифицированное социологическое исследование должно быть приравнено в известной степени к такой же преступной деятельности, как производство некачественных продуктов и товаров в других сферах, следствием которого может стать какой-либо ущерб – здоровью людей, государству, процессам управления и т.д. Поэтому минимальный стандарт – это стандарт, который заведомо *исключает нанесение ущерба* потребителю. А потребителем социологического продукта очень часто выступает не только непосредственный заказчик, но и довольно широкий круг контрагентов, а в случае открытых

социологических продуктов – практически все общество. И если исследователь произвел продукт, искажив социальную реальность, и в результате какой-либо потребитель – общественность, избиратели или орган управления – принял ошибочное решение, значит, нанесен ущерб, а, может быть, совершено преступление. И для того, чтобы исключить это, нужно озаботиться установлением стандартов, превышающих текущие невысокие запросы потребителей.

При переходе к индустриальному, массовому производству, обычно, устанавливается некоторый баланс цены и качества. Потом появляется сертификация, которая устанавливает минимальный уровень качества и, де-факто, минимально возможную цену продукта. Отсутствие у потребителя достаточных средств не означает, что цена и качество должны быть снижены. Отсутствие средств означает только невозможность произвести и потребить данный продукт. Естественно, возможны разные форматы с разным соотношением «цена-качество» - для заказчика с ограниченным бюджетом можно предлагать маленькое экспресс-исследование, но и оно все равно должно соответствовать определенным критериям. Водка в принципе не может стоить дешевле 90 руб. говорят нам ответственные чиновники, тогда это не водка. Себестоимость опроса 400 человек в Санкт-Петербурге по репрезентативной выборке не может быть меньше 80 тыс. рублей, говорим мы, или это халтура.

Нужно различать стандарты на *процесс* и стандарты на *продукт*. В первом случае речь идет об обязательном минимальном наборе элементов технологического цикла, которые должны быть реализованы для признания качества проекта удовлетворительным. Стандарт на исследовательский продукт тоже должен нормировать наличие в нем некоторых элементов, описаний и т.д. Естественно, эти стандарты должны стать результатом дискуссии в профессиональном сообществе. Именно производители должны сформировать исходное предложение по стандартизации, которое потом подлежит обсуждению и корректировке со стороны общественности и государства. Но стандарт не является прерогативой ни производителя, ни потребителя – он представляет собой соглашение между ними. Первое слово в этом процессе остается именно за производителем только потому, что потребитель не сможет сформулировать стандарт в необходимой технологической терминологии.

Л.А. Козлова, зав. сектором Института социологии РАН, зам. главного редактора «Социологического журнала» (Москва) предложила предварительную классификацию возможных стандартов, которая позволяет перейти от обсуждения «стандарта вообще» к конкретным задачам стандартизации.

Важно заметить, что термин «минимальный» применительно к стандарту неудачен, т.к. заданный таким образом норматив всегда является «максимальным», потому что в идеале он обязателен для выполнения. Поэтому корректнее говорить о базовом, элементарном, обязательном или основном стандарте.

Также важно определить *сферы стандартизации и объекты стандартизации*. В зависимости от их характера мы можем выделить следующие типы стандартов.

Сфера производства и представления знания (внутринаучная). Здесь объекты стандартизации — *методология, методы, процедуры*. С ними связан первый тип стандартов, необходимый в отношении как прикладных, так и академических исследований, который содержит нормы описания и обоснования используемых научных инструментов. Характерно, что даже люди, проработавшие в науке десятки лет, — и в академии, и в опросных центрах — недостаточно владеют правилами представления материалов исследования в публикации (отчете). Конечно, такой стандарт следует дифференцировать для различных типов и направлений исследований, прежде всего — для количественных и качественных методик. В первом случае речь идет о применении статистических методов, выборки и т.п., во втором — о соблюдении иных норм, позволяющих верифицировать результаты и выводы исследования.

Сфера отношений между исследователями и актерами, находящимися вне науки. К этим актерам мы можем отнести заказчиков, потребителей научной продукции, респондентов и т.п. Итак, второй тип стандартов регламентирует такой объект стандартизации, как *взаимодействия различных субъектов, имеющих отношение к исследованию* — самим исследователем и заказчиком, исследователем и потребителями его продукции (в обоих случаях, скажем, — по формам представления научных результатов), исследователем и респондентом (в связи с участием последнего в научном процессе), и т.д. Здесь стандартизация могла бы сделать более понятными процедуры и язык взаимоотношения сторон, а значит, оптимизировать работу социолога. Очевидно, эти взаимоотношения исследователи смогут регламентировать лишь при участии другой стороны.

Следующая — сфера экспертная деятельность. Здесь объект стандартизации — двусторонние отношения между исследователями и экспертами. Стандарты третьего типа регламентируют проведение *экспертиз*, как внутренних, так и внешних, и в первую очередь — критерии оценки научной продукции и экспертные процедуры.

Последний, четвертый тип стандартов призван регулировать сферу *финансово-экономических отношений*, — как в академической, так и прикладной областях научного производства. Объектом стандартизации здесь является процесс ценообразования. Этот вопрос наименее понятен для меня, поскольку я не имею отношения к экономике и финансам. Но я на себе чувствую необходимость регламентировать соотношение цены и набора услуг, которые можно осуществить за определенную плату даже в академической сфере. Сегодня бюджеты даже самых крупных государственных научных институтов не содержат статей, прямо относящихся к проведению исследований. Не учтены они и в финансовых нормативах РГНФ и РФФИ. Многие типы академической продукции просто-напросто не оплачиваются. Думаю, что и в прикладной сфере рынок ценообразования должен формироваться при непосредственном участии не только заказчиков, но в первую очередь исследователей.

О.А. Оберемко, старший научный сотрудник Института социологии РАН (Краснодар) полагает необходимым сделать акцент на практических аспектах стандартизации.

Во-первых, это касается субъекта данного процесса. Здесь возможны две ориентации: вертикальная - на государство, и горизонтальная - на профессиональное сообщество. Первая больше соответствует тенденциями развития российского общества в целом, вторая - перспективна в контексте развития гражданского общества. При этом современное российское государство не вполне способно защитить интересы потребителя, это прекрасно демонстрирует, например, практика строительных тендеров, те стандарты и нормы, соответственно которым они проводятся. Другое дело - профессиональные сообщества и, в частности, журналы как его рупор. Они могут инициировать этот процесс.

Социологическое знание отличают две особенности. Во-первых, оно внутренне логичное, обоснованное, а во-вторых, референциальное, привязанное к социальной реальности. Именно *референтность*, а не удовлетворенность потребителя, может стать основой для оценки качества социологического продукта. Причём в этом отношении академическая наука не отличается от прикладной. Потому что даже кустарные продукты, принадлежащие к определенной отрасли, объединены некоторыми «стандартами», как это можно наблюдать в предметах этнического искусства. Причём поделки народных умельцев всегда отражают (пусть и искаженно) реальность, жизнь определенного этноса. Так и любое социологическое исследование должно быть отражением реальности - в этом и состоит базовое требование.

Минимальный, первичный стандарт должен быть подобен ЕГЭ - это тестирование, дающее право на вход в отрасль. Тестирование не дает окончательной оценки, но позволяет отсеять тех, кто не удовлетворяет требованиям профессиональной пригодности, позволяет сэкономить ресурсы, которые могли бы оказаться потрачены зря. Такой стандарт отвечает на вопрос: читать или не читать материал исследования, рассматривать его редакции журнала или сразу отклонить.

Практически перспективным в настоящее время является рынок *государственных и муниципальных заказов*. Потому что маркетинговый и прополитический рынки сократились, а муниципальный и региональный, наоборот, только складываются. Конечно, в работе с организаторами тендеров потребуются усилия и время, также как они потребовались на то, чтобы убедить СМИ печатать описания выборок и другую сопровождающую результаты исследования информацию. Но в конечном счете, здесь может быть сформированы стандарты двух видов - на процедуры и на представление данных. А начать можно с *перевода зарубежных стандартов*, которых довольно много и которые могут наряду с уже готовыми предложениями российских коллег стать

основой для старта практической работы, например, по выходу на муниципальный рынок.

М.М. Соколов, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге предложил провести историческую аналогию между борьбой за установление профессиональных стандартов в постсоветской социологии и процессами, характерными для американской медицины конца XIX – начал XX веков.

Книга П.Старра «Социальная трансформация американской медицины»³ подробно раскрывает эволюцию этой отрасли, которая в 70-х годах позапрошлого века производила довольно жалкое впечатление. Профессия врача была малопrestiжна, множество частных школ в кратчайшие сроки выдавали медицинские дипломы всем, кто готов заплатить, без какой-либо серьезной подготовки. Постоянно предпринимались попытки создать общенациональную ассоциацию и внедрить стандарты качества, в частности – два года в качестве минимальной продолжительности обучения практикующего врача. Однако все попытки проваливались, а в медицинской практике

продолжали господствовать околонучные подходы. Однако далее в течение примерно 50 лет произошла коренная трансформация отрасли. Отчасти эта трансформация объясняется развитием доказательного подхода и прогрессом в инфекционной медицине, в частности работами Л.Пастера, которые имели очень большой публичный резонанс. Другой частью истории были институциональные изменения в организации академического мира. Так, произошли изменения в законодательстве, породившие частные благотворительные фонды. Начались очень значительные частные вложения в отрасль, в создание частных исследовательских университетов. В результате появились образцовые учреждения, которые стали копироваться. Фактически законодателем мод стала медицинская школа Джонса Хопкинса, практика которой превратилась в стандартную для всех, кто не хотел оказаться специалистом второго сорта с перспективой постепенно лишиться работы.

В случае американской социологии наблюдаются похожие тенденции. В 40-х выделяются два активных полстерских центра, один из которых тесно связан с Чикагским университетом, второй – с Колумбийским. Они задают отраслевые стандарты, которые копируются остальными игроками.

Второй очень важный для понимания ситуации момент заключается в особенностях социологии как отрасли знания. В отличие от медицины, наша сфера практически лишена доказательного инструментария, позволяющего выявлять преимущества одних подходов, методов над другими. Характерно, что дискуссия о стандартах порождает крайне мало примеров того, что могло бы войти в стандарт. А упоминающиеся примеры относятся в основном к области

³ Starr, Paul. 1982. *The Social Transformation of American Medicine*. N.Y.: Basic Books.

статистики. Но как должен выглядеть стандарт для феноменологического исследования? Например, участников фокус-групп нужно отбирать по теоретической выборке, но тут неизбежна дискуссия о том, что это такое. Аналогичная дискуссия неизбежна в случае массового опроса с целью выяснить отношение населения к чему-либо. Вряд ли сегодня возможен консенсус по поводу того, что есть отношение и какая именно конструкция вопроса является оптимальной. И если та или иная методическая конструкция проникнет в стандарт, тотчас возникнет очень сильная научная оппозиция, которая обвинит этот стандарт в том, что он произволен и социально сконструирован. Как определить искажение социальной реальности, если для большинства социологов её не существует? Если ошибки в строительных или пищевых технологиях заканчиваются сообщениями в хронике происшествий, то социологические ошибки сегодня ничем не заканчиваются. Единственная точка опоры в этой сфере – прогнозы выборов, ошибки в которых тоже воспринимаются как происшествия. Однако с учётом особенностей развития российской избирательной системы и эта деятельность вряд ли способна подтолкнуть процесс стандартизации.

С.В. Дамберг, заместитель директора Института региональных исследований (Псков) акцентировал внимание участников на вопросе о субъекте процесса стандартизации. Чьим, собственно, должен быть стандарт качества социологических исследований?

Кто может выступить в роли генератора, защитника и промоутера этого стандарта? С одной стороны предмет обсуждения тесно связан с процессами стандартизации качества управления в государственных и муниципальных структурах. Например, в 2009 году все российские регионы впервые опубликовали отчёты об эффективности работы органов местного самоуправления. И в число законодательно закрепленных отчётных параметров входят и результаты социологических исследований, которые теперь обязаны проводить муниципалитеты. Речь идет о беспрецедентном росте масштабов государственного и муниципального заказа на исследования, причём появляется

совершенно новый заказчик – муниципал, у которого на данный момент нет ни опыта взаимодействия с социологическими компаниями, ни представлений о критериях оценки качества их работы. В этом контексте разговор о качестве исследований начат даже с некоторым опозданием.

С другой стороны, по крайней мере в начале процесса стандартизации его естественным центром должно быть не государство, а социологическое сообщество, которое даёт повод для сомнения в своей субъектной дееспособности. Сегодня отношения российского социолога с коллегами опираются, прежде всего, на взаимное доверие профессионализму. Приоритет личных отношений перед качеством исследовательского продукта является нормой нашего рынка. И поэтому практически любой социолог по мере

накопления опыта работы оказывается втянут в практики если не прямой фальсификации данных, то в сетевые взаимодействия, предметом которых выступает поддержка, одобрение или хотя бы игнорирование такой фальсификации. Еще один повод для подозрений в отношении дееспособности социологического сообщества – его разрозненность. Достаточно вспомнить историю создания социологических ассоциаций и реорганизации социологических НИИ, чтобы понять, насколько трудно будет прийти к сколько-нибудь согласованным решениям по стандартизации.

А.С. Карнов, директор Центра экспертиз ЭКОМ (Санкт-Петербург) предложил собравшимся задуматься о том, *стандарт или ритуал* является предметом обсуждения. Стандарт должен приниматься и поддерживаться профессиональным сообществом. Это процедура, смысл которой понятен и постоянно напоминает членам сообщества, в частности, в виде неизбежных санкций за его несоблюдение. А ритуал – это процедура, смысл которой утрачен. Ритуалом может быть и программа социологического исследования – проблема, цель, метод и т.д. (Так бывает в студенческих работах, когда автор формально соблюдает последовательность компонентов, но нарушает логические связи между ними).

Понимание смысла стандартизации социологических исследований происходит не из физики, а из менеджмента качества. А качество – это то, о чём говорит потребитель (а не продавец). Поэтому ключевой вопрос в том, кто является потребителем социологического исследования. Смещение потребителя и заказчика исследования ошибочно, а упоминание «общества» (в качестве потребителя) – абстрактно. Напротив, идентификация респондента в качестве активного участника и потребителя исследования является перспективным направлением развития. При этом различия ролей респондента позволяет выполнить естественную классификацию опросных

технологий. Можно выделить 5 типов исследований, решающих разные задачи. (1) Опросы, которые проводятся с целью развлечения и привлечения внимания к медийным ресурсам и/или тематике. (2) Замерные технологии, в которых респондент выступает сенсором – сообщает определённые факты, которые иным образом добыть сложно. (3) Маркетинговые исследования, в которых респондент играет роль покупателя. (4) Прогнозные методики, в частности, экспертные опросы и рынки прогнозов, которые в данном случае эффективнее опросов. (5) Опросы, призванные выявить политическую волю людей, что связано с представлением о населении (народе), как источнике власти в государстве. В зависимости от типа исследовательской задачи методы и стандарты качества должны существенно различаться. Поскольку респондент является активным участником процесса исследования, ключевым элементом стандарта является вопрос о том, как осуществляется работа респондента по формированию его

высказывания (в противовес мнению о том, что предметом стандартизации являются лишь действия социолога).

Если рассматривать качество социологического исследования как продукт функционирования рынка, то обращает на себя внимание асимметрия информации – покупатель знает про опросы, исследования, социологию существенно меньше, чем продавец. А это, как показывают современные экономические теории, неизбежно ведёт к снижению качества и провалу рыночного регулирования. Известным методом борьбы с эффектами асимметрии информации являются принуждение продавцов к раскрытию информации (в данном случае – данных опроса) и распределение затрат на оценку между многими потребителями.

О.В. Тюсова, старший научный сотрудник Биомедицинского центра (Санкт-Петербург) отметила, что еще в процессе базового образования социальные психологи узнают о существовании стандартов психологического исследования, которым необходимо достаточно строго следовать.

Есть методические стандарты и в социологии. Другое дело, что их понимание существенно варьируется. В этой связи уместна аналогия с географической картой. Целью исследователя является максимально приблизить изображение на карте к той реальности, которая существует в физическом пространстве. И хотя достичь стопроцентного сходства невозможно, стандартизация может быть эффективным инструментом, обеспечивающим уверенность в карте как «портрете» изображённой территории. С другой стороны, стандарты в гуманитарных отраслях не могут быть такими же жёсткими, как в естественных и технических.

Например, психотерапевтическая работа с накозависимыми не может исчерпываться применением одних лишь технологических приёмов, но всегда требует привнести в этот процесс частицу души психолога. В противном случае успеха в реабилитации пациента достичь невозможно. В этой связи вполне уместно вести речь не только о технологической, но и об этической регламентации, стандартизации социологических исследований. Именно частица души может быть существенным препятствием, например, для фальсификации исследовательских данных, даже если при этом профессионалу придется пожертвовать своими финансовыми возможностями.

А.М. Хохлова, ассистент факультета социологии СПбГУ поддержала идею Задорина И.В. построить минимальные стандарт на принципе «не навреди», на идее консервации социальной реальности.

В то же время, проблема не только в различном понимании социальной реальности (как это показал М.М. Соколов), но и в том, что любое социологическое исследование независимо от качества его исполнения не просто искажает социальную реальность, а меняет ее. Позитивистский смысл этого утверждения заключается в том, что если в результате исследования принимаются и внедряются какие-то решения, реальность трансформируется. Конструктивистская методология говорит нам о том, что если получен (или сфальсифицирован) какой-то результат, и люди в него поверили, то они далее действуют так, как если бы он был правильным, независимо от качества

проведенного исследования. В этом смысле необходимо рассматривать также и качество потребителя, заказчика, потому что он один из двух активных субъектов тех асимметричных отношений, которые и определяют, как меняется социальная реальность. Здесь проблема заключается не только в том, что заказчик неграмотен, ищет дешевых способов решения своих задач, но и в том, что он иногда сознательно манипулирует исследовательским продуктом, рассматривая его как инструмент легитимации своих политических и прочих решений. Поэтому вопрос о субъекте стандартизации – это вопрос властных отношений, отношений контроля, доступа к ресурсам. Следовательно, процесс стандартизации невозможен лишь как внутренний процесс социологического сообщества. необходимы и неизбежны постоянные переговоры с заказчиками и потребителями – как государственными, так и коммерческими структурами. Если же профессиональное сообщество будет пытаться заниматься стандартизацией самостоятельно, то, пользуясь метафорой Бергера и Лукмана, его члены будут напоминать людей, которые пытаются толкать автобус, в котором уже сидят. Еще одним важным моментом в вопросе стандартизации социологических исследований является регламентация профессионального образования. Если рассматривать стандарт как входной билет в профессиональную исследовательскую социологию, то начинать выдачу этих билетов надо там, где готовят социологов, т.е. в профильном ВУЗе.

Н.В. Соколов, заведующий Лабораторией «Центр социологических исследований» СПбГУ предложил свою интерпретацию качества социологического исследования, основанную на категории валидность, в её исходном (от англ. valid) понимании – как пригодности исследовательского продукта для интеграции в процесс принятия управленческих решений и/или в процесс развития фундаментального, академического знания.

В этом свете отсутствие или почти полное отсутствие отраслевых стандартов означает привилегию социологов на производство негодных продуктов, т.е. *инвалидов*. Данная привилегия не означает, что вся социологическая продукция не пригодна для применения, но она имеет право оказаться таковой, о чём существует негласная конвенция заказчиков и исполнителей исследований. Причём причиной негодности исследовательского продукта может оказаться отнюдь не намеренная фальсификация, неграмотные решения в области дизайна исследования или неверная интерпретация результатов, а технические, по своей сути, ошибки на одном из многочисленных этапов технологического процесса. Так, интервьюеры могут (даже непроизвольно) изменить процедуру отбора респондентов и в результате

свести на нет усилия по проектированию выборки, ошибки при вводе и компьютерной обработке данных способны породить ошибки, многократно превышающие статистическую погрешность выборки и т.д. Показательно, что ошибки данного рода (технические) и способы противодействия им обсуждаются социологами существенно меньше, чем вопросы методологии и методики исследования. А отечественная практика применения известных инструментов управления качеством, например, двойного ввода данных, ревизии исследовательской документации независимым наблюдателем и т.п. весьма скудна. Но именно она (а не формы презентации данных) представляется ключевым объектом стандартизации. Опыт экспертных интервью, выполненных в течение последних лет Лабораторией «Центр социологических исследований» СПбГУ позволяет констатировать, во-первых, единодушие членов профессионального сообщества в негативной оценке отраслевой ситуации. Практически нет экспертов, которые полагали бы сложившуюся в области управления качеством исследований нормальной, а наблюдаемые «плохие» примеры - единичными. Во-вторых, и это не может не беспокоить, весьма распространены «революционные» настроения – ориентация на моментальную ломку сложившихся правил поведения на отраслевом рынке и установление каких-то новых. Стоит напомнить коллегам, чем обычно заканчиваются «революции» - гильотиной, термидором и уничтожением самих революционеров. Третье наблюдение – колоссальная девиация профессионального знания и практически полное отсутствие базовых элементов знания, в отношении которых социологи-исследователи уже достигли согласия. А это значит, что стандартизация технологических процессов обречена стать инструментом конкуренции между учёными, школами, кланами и т.д. В этой связи оптимальная стратегия стандартизации представляется как постепенное, аккуратное (а вовсе не революционное) исключение подходов и практик, в отношении признания «вредоносности» которых достижимо критическое большинство сообщества. Это чем-то напоминает процесс внедрения экологических стандартов на топливо – «Евро 1», «Евро 2», «Евро 3» и т.д. –

планомерно снижение патогенного воздействия на окружающую среду путём постепенного отказа от наиболее опасных компонентов и технологий. Ключевая проблема нашего сообщества в том, что технологические возможности социологических инструментов измерения понимаются сегодня крайне расширительно, и процесс сужения рамок их применения не может быть моментальным.

С.М. Снопина, руководитель Центра мониторинга социальных процессов СПбГУ обратила внимание присутствовавших на проблемы научной этики, которые в обществе отечественных социологов практически не обсуждаются.

В результате нормой является и выполнение заведомо некачественных исследований (на которые исполнители соглашаются под давлением тенденций демпинга), и отсутствие публичной оценки некачественно выполненных проектов, результаты которых иногда активно продвигаются их исполнителями и заказчиками. Эта тенденция охватывает как академическую среду (сомнительные диссертации), так и прикладные исследования. Такая массовая практика молчаливого согласия с сомнительными (а в некоторых ситуациях, и вредными или даже преступными!) результатами и делает социологов причастными к фальсификации, о чем сказал С.В. Дамберг. Существует

потребность в ряде отраслевых стандартов. Во-первых, это стандарт на выборку, от которой зависит качество всего исследования. Причём этот стандарт должен увязывать качество и стоимость исследования, потому что, например, вероятностная выборка стоит в среднем в пять раз дороже квотной стратифицированной. Следующий стандарт – на техническую базу исследователя. В современной ситуации выглядит странно, когда телефонный опрос проводится компанией, не имеющей call-центра. Но такая практика весьма распространена. Более того, например, конкурсы на получение госзаказа на проведение телефонных опросов могут не включать требование о наличии call-центра, и это тоже некий стандарт, задаваемый в настоящее время государством. Стоимость исследования тоже задаётся государством и исполнители вынуждены под нее подстраиваться. Причём речь идет не о коррупции, а именно о нормировании стоимости выполнения работ. Обязательно должен быть стандарт на представление результатов. Причём, если речь идёт о госзаказе, они должны быть открыты, как минимум, для экспертного сообщества, которое в состоянии провести их оценку до того, как будут приняты управленческие решения. О роли респондента. Роли респондента быть не может. Роль респондента в том, что он носитель информации о состоянии общественного сознания по поводу конкретного объекта на конкретной территории. Другой роли у него нет. А роль социолога в том, чтобы снять адекватно этот срез общественного сознания, чтобы он был точным, чтобы он был не искажен. Интересен вопрос Козлова А.П. об изменчивости мнения. Общественное мнение динамично, и повторить результат

измерения можно только когда общественная оценка сложилась окончательно. Но процедуры подтверждения устойчивости мнения не оговариваются в нашем сообществе, а их нужно стандартизировать для того, чтобы понимать, в какой момент развития процесса проведен замер. Здесь не может быть стандарта на повторяемость результата, а нужен стандарт на процедуру измерения. Еще должен быть стандарт на применимость методик и инструментария, потому что у каждого метода, у каждого инструмента, есть границы применимости, своя точность. Также нужен стандарт на уровень профессионализма как исследователя, так и полевого и технического персонала – интервьюеров, операторов call-центра – т.е. стандарт на образование.

О.Р. Могилевский, сотрудник Агентства социальной информации (Санкт-Петербург) подчеркнул, что именно профессиональное сообщество, а не государство должно вырабатывать стандарты исследования.

Единственный государственный стандарт – это запрет на фальсификацию. В остальном государственные органы никогда не будут успевать за развитием науки и наукоемких технологий. Поэтому обновление нормативных актов всегда будет происходить с опозданием и тормозить исследовательский процесс. Но при этом необходимо понимать, что профессионального социологического сообщества в России как такового нет. Есть разрозненные и очень разные категории профессионалов – социологи-практики, социологи-теоретики и просто обладатели учёных степеней, де-факто социологий не занимающиеся. Здесь очень важен вопрос репутации, и репутации не отдельных лиц, а

какого-то ядра, вокруг которого может формироваться сообщество. Многие участники круглого стола говорят, что сообщество должно контролировать, даже прозвучало слово «санкции». Но во всем мире сообщество не санкциями занимается, а организует научную дискуссию. Профессиональное сообщество должно заниматься не формальными задачами – сбор взносов, ритуальные встречи раз в год – а работать постоянно. Оно должно развивать коммуникативные инструменты – научные журналы, конференции, работать с молодыми специалистами. Т.е. речь нужно вести о постоянных дискуссиях и не только о качестве исследований, но и о качестве образования. Человек не может начинать думать о стандартах, когда он уже закончил образовательное учреждение, и сообщество обязано следить за этим. Еще один важный компонент – это организационное и техническое обеспечение функционирования сообщества. Нужны люди, которые будут заниматься этим постоянно. Дискуссии должны записываться на видео и через час появляться в Интернете. Тогда на них будут отклики, тогда студент или молодой исследователь сможет включиться в это обсуждение. И только тогда сообщество сможет выработать собственные стандарты.

Задача **второго «круга»** состояла в том, чтобы перевести обсуждение из методологической плоскости в практическую. Поэтому модератор попросил участников, *во-первых, рассказать об опыте применения тех или иных инструментов, технологий, подходов управления качеством исследовательского процесса, а во-вторых - сформулировать конкретные предложения по развитию стандартизации.*

По мнению **Р.С. Могилевского**, нужно, прежде всего, провести границу между полстерами и социологией, т.к. де-факто это разные отрасли, каждая из которых имеет собственный предмет. Полстеры занимаются коммуникативной деятельностью и в этой плоскости лежит ключевая проблема.

Респонденты не любят тех, кто проводит опросы, а для полстеров они – едва ли не главное препятствие в работе. Следовательно, добиться качества в исследовательском процессе можно, если полстер и респондент действуют вместе, а не вопреки друг другу. Социологическое знание – это продукт сотворчества исследователя и его объекта. Возможны и необходимы два уровня регуляции этого процесса. Первый уровень – этика и профессиональные нормы, которые задаёт сообщество. Второй – статистически обоснованные критерии. Примером первого является проект профессионального кодекса, разработанный Р.С.Могилевским еще десять лет назад. Но этот кодекс так и не был сообществом, возможно потому, что такого рода инициативы «снизу» упираются в неразвитость рынка, отсутствие институтов. Институты необходимы для того, чтобы организовывать и катализировать процесс саморегуляции профессионального сообщества и функционирования рынка демоскопической информации. И пока институтов нет, эти процессы будут протекать медленно и тяжело. На данном этапе нужно накапливать усилия по созданию профессиональных ассоциаций, принятию профессиональных кодексов и т.д. Второе направление требует обоснования социальных индикаторов, которые могут рассматриваться как стандартные. Здесь необходимо опираться на статистику, т.к. именно она (а не социология как таковая) позволит выполнять строгие обоснования. Не стоит также игнорировать опыт, накопленный другими отраслями. Например, процедуры формирования суда присяжных – хороший аналог для отбора участников фокус-групп. В данном случае коммуникативная реальность уже выработала критерии, которые могут быть использованы. АСИ проводило испытания ряда процедур, нацеленных на селекцию участников фокус-групп и получило в этой области интересные и практически полезные результаты. Абсолютное большинство проектов, которые выполняет компания, докладываются в информационные агентства. Причём неоднократно оппонентам

предлагалось прийти и посмотреть, как происходит процесс исследования – от начала до конца, начиная с интервью. Сейчас внедряется прямая запись всех интервью, которую можно предоставить заказчикам и заинтересованным лицам. Но характерно, что ни разу никто не пришел, потому что одно дело обвинять с трибуны, а другое – самому принять участие в технологическом процессе. Таким образом, формирование институтов профессионального сообщества и выработка стандартных социальных индикаторов – вот два ключевых направления, в которых необходимо прилагать усилия на современном этапе.

В.Б. Звоновский заметил, что институты, правила, сообщества вырастают из желания и усилий отдельных личностей. В этой связи показателен опыт Ассоциации региональных социологических центров, участники которой имеют опыт проектирования и применения стандартных социально-демографических и иных по содержанию *блоков* для количественных опросников, единых правил по объемам выборки и методам исследования.

Такие стандарты и правила выработывались с единственной целью – обеспечить возможность для сравнения данных, полученных в разных регионах. Таким образом, утилитарная изначально цель – добиться сопоставимости данных – фактически вызывает к жизни процесс стандартизации и поиска оптимальных методических решений. Второе направление, которое получило развитие в рамках Ассоциации – публикация результатов исследования, в смысле их

передачи в *публичный доступ*. Все результаты сравнительных исследований публикуются в Интернете и СМИ, иногда – в специализированных изданиях. Планируется наладить публикацию «сырых» результатов – данных, которые могут быть обработаны заинтересованными аналитиками для своих целей. Важно заметить, что вся работа Ассоциации представляет собой общественную нагрузку для ее членов и производится в свободное время.

Мацкевич М.Г полагает, что на вопрос: «Возможны ли стандарты?», должен быть дан положительный ответ. Более того, стандарты уже реально существуют, и доказательством этого является технологизация отрасли. Поэтому полстерам и не обязательно быть социологами – они пользуются принятыми методиками так же, как инженеры пользуются достижениями теоретической физики. Другое дело, что социологические стандарты не кодифицированы, по крайней мере, в России. И здесь возникает вопрос о том, кто должен устанавливать стандарт. Государство для этого категорически не подходит, особенно в современных условиях. Потому что есть примеры государственного участия в процессе стандартизации. Это стандарты профессионального образования, которые разрабатывает УМО – в них фактически навязывается подход одной школы, на базе которой эта работа

ведется. Есть примеры, когда муниципалитеты, пользуясь правом заказчика, устанавливают структурные параметры выборки – совершенно непрофессионально и вопреки имеющимся данным о составе населения. С другой стороны, единого профессионального сообщества в России нет, напротив, есть несколько конкурирующих организаций. Кроме того, есть множество профессионалов, не являющихся членами ни одной ассоциации. Особенно это характерно для молодёжи, которая не видит смысла вхождения в эти организации. В этой ситуации одним из смыслов конструирования профессионального сообщества может стать как раз дискуссия о стандартах и задача их кодификации. Если дискуссия будет достаточно привлекательной и убедительной для большинства участников – этот шанс как-то опредметить сообщество. Но есть риск, что такая дискуссия о стандартах будет профанирована. Примером этого является практика судебно-медицинских экспертиз, которые крайне редко дают результаты в пользу пациента – срабатывает корпоративная солидарность медиков. Когда Санкт-Петербургская ассоциация социологов столкнулась с задачей проведения экспертизы, сразу стали понятны мотивы этих медиков. Потому что оценка качества работы коллег – это сложная, в т.ч. и с этической точки зрения, задача. Также следует поддержать тезис о прозрачности исследований, которая должна подразумевать, как минимум, открытость методики измерения, а также, желательно, и доступность исходной базы данных.

А.П. Козлов поделился с участниками своим богатым опытом контроля качества в области биологических исследований. В Биомедицинском центре функционируют две лаборатории – одна занимается преимущественно фундаментальными исследованиями, другая – клиническими. Характерно, что инструменты управления качеством в рамках этих двух направлений различны. В фундаментальных исследованиях «работают» этика, процедура и даже научный идеал, которые управляют мотивацией исследователя. Когда же речь идёт о медицинском диагнозе, который меняет судьбу человека, становятся обязательными формальный внешний и внутренний контроль, сертификация и т.п. В 1994 г. был выполнен проект по внедрению внешнего контроля качества в 238 лабораториях России. Тогда это считалось в принципе невозможным. Причем эта программа была внедрена практически бесплатно – лаборатории сами были готовы участвовать в ней, т.к. хотели подтвердить свою компетентность. Интересно, что, как оказалось, 90% участвовавших в программе лабораторий действительно хорошо работают. Другой пример – сотрудничество с государственной системой контроля качества. Лаборатории Биомедицинского центра разрабатывает вакцину против СПИДа и в рамках этой работы реализуется контроль корректности проводимых экспериментов. И эксперимент, и его контроль стоят огромных денег, которых нет у контролирующего органа. Поэтому проверка происходит непосредственно на базе лаборатории – государственная инспекция делегирует своих представителей, которые совместно с сотрудниками исследовательской организации поэтапно выполняют эксперимент. Это пример компромисса, на который идут исследователи и контролирующая инстанция, потому что иначе осуществить контроль качества в существующих условиях невозможно. Есть уверенность, что закон единства измерений, в конце концов, распространится и на социологию. Может быть, это займет сто лет. И часть этого закона, касающуюся социологии, напишут профессионалы, так же, как первую его версию написал Д.И. Менделеев. В этом

состоит роль профессионального сообщества, которое, как раз, должно обеспечить соглашение исследователей с государством, с потребителями, с обществом.

И.В. Задорин: С моей точки зрения, необходимо, прежде всего, создавать *культурные образцы*. Т.е. изначально должны появиться определённые нормы, которые внедряются в локальные практики, становятся традиционными для некоторого под-сообщества, члены которого договариваются и действуют согласованно. Исследователи должны брать на себя ответственность за собственный культурный образец. Например, члены ассоциации договариваются установить минимальный размер подвыборки по отдельному населенному пункту. Прочие компании могут подражать такому образцу, а могут и не подражать, это их дело, но открыто не присоединяться к образцам качества станет опасным.

Во-вторых, профессиональное сообщество исследователей-прикладников должно породить свои *знаки отличия*. Сейчас этого нет, и исследователи (полстеры, прикладники) пытаются пользоваться теми, которые применяются в академической сфере. Это неправильно, т.к. интеграции практикующих исследователей в академический процесс все равно не происходит, наука от этого ничего не получает, а сама деятельность по получению учёных степеней и званий от прикладных исследований только отвлекает. Поэтому в самом сообществе прикладных социологов должны быть порождены собственные знаки, степени и т.п., с помощью которых можно отличить профессионала от непрофессионала.

В-третьих, совершенно необходима активная работа со *стейкхолдерами* – с государством и бизнесом. Отказаться от взаимодействия с ними – значит обречь себя на работу только в своей песочнице. Потому что пока «хороший» исследователь будет строить замок из песка и любоваться, как хорошо он его построил, кто-то, кто строит гораздо хуже, будет коммуницировать с государством, доказывать свою правоту, убеждать и, в результате, сформирует и госзаказ, и критерии качества. Поэтому необходимо идти на взаимодействие, доказывать, убеждать и работать! Надо образовывать заказчика, объяснять ему, какой стандарт хорош, а какой нет. И формировать позицию государства не только как заказчика, но и как института, который должен хранить и поддерживать эталоны, разработанные профессионалами.

В-четвертых, необходимо придать *публичность* дискуссии о качестве и стандартизации. Не страшно, что эта дискуссия кем-то будет профанироваться, кто-то будет искать заинтересованность участников, обвинять в коррупции и т.п. Это и есть социальная реальность. Но важно, чтобы ход обсуждения и формирования стандартов будет открыт для участия членов сообщества.

В-пятых – по поводу *открытости*. У заказчика, в т.ч. и у государства есть право определить исследования закрывать. И в отдельных случаях это правильно, потому что результаты могут быть использованы во вред. Например, данные исследований идеологии терроризма или социологии страха. К тому же есть информация, которая очень чувствительная к искажению, ею легко манипулировать и использовать неправильно. Не случайно ведь существуют ограничения на публикацию результатов предвыборных опросов за несколько дней до выборов. Но я хочу предложить принципиально другой формат работы – *открытое исследование*, open research. Это такой исследовательский проект, который выполняется в открытом режиме от начала и до конца (примеры -

создание операционной системы Linux или известной всем Wikipedia). Post factum можно открыть практически любое исследование. Но в open research речь идет о том, что открытое обсуждение и принятие решений неким кругом профессионалов происходит на протяжении всего технологического процесса – от постановки задач и разработки метода и инструментария до сбора информации, анализа и интерпретации. Этот жанр не подходит для всех проектов, но хотя бы один-два раза проведя такое исследование, можно задать культурный образец и снять с социологического продукта право на скрытую от внешнего глаза инвалидность.

И последнее – сейчас множится число судебных разбирательств между государственными органами и псевдоисследовательскими компаниями, которые, выиграв тендер, делают откровенную халтуру. Наиболее смелые чиновники (это ведь вопрос и их репутации) выходят в суд, и там вдруг выясняется, что доказать низкое качество выполнения работ невозможно. Потому что в суде необходимо предъявить норматив, который сегодня отсутствует. Следовательно, уже в ближайшее время государство потребует принять стандарт, на основе которого можно будет что-то требовать. И сегодня наши дискуссии о стандартизации уже отстают от потребностей государства, а надо работать на опережение.

Л.А. Козлова обратила внимание на то, что наряду с позитивным у большинства собравшихся наверняка есть и негативный опыт по предмету дискуссии. Прежде всего, этот опыт связан с тем, как не стандартизована теоретико-методологическая составляющая социологического исследования. Как ни странно, но именно деятельность в этой области совершенно произвольна, не поддается никакому анализу, никакой оценке. Другой важный компонент негативного опыта — отсутствие стандартов в работе с респондентами. Уже текущее обсуждение выявляет два противоположных подхода — один из них отрицает какую бы то ни было роль респондента в исследовании (кроме как источника информации), другой — рассматривает респондента как соавтора исследовательского продукта. Проблема социологического сообщества в том, что оно *расколото*. Полстеры не знают, чем занимаются теоретики, и наоборот. Эта ситуация не является плодотворной, эти сегменты, хотя и представляют разные виды деятельности, должны обязательно взаимодействовать. Создание стандартов, или культурных, образцов может быть фактором сближения ныне отстраненных друг от друга сегментов, и, в конечном счёте, создания социологического сообщества в классическом смысле. Стандарты должны создаваться внутри сообщества, причём лидировать должны представители того сегмента, в отношении которого происходит стандартизация. Однако неправильно, если стандарты для полстеров будут разрабатывать только сами полстеры, а для академических исследований — только «академики». В этот процесс должно быть включено все социологическое сообщество, ни один вид деятельности не должен исключаться из процесса стандартизации, поскольку они дополняют друг друга. Нужно понять, что поддается стандартизации в разных видах деятельности и во взаимодействии с разными типами контрагентов — с заказчиками, экспертами, респондентами, государством и т.д. «Социологический журнал» готов открыть рубрику, посвященную предмету данной дискуссии. Рабочее название — «Проблемы стандартизации в социологических исследованиях». Это тоже может быть средством привития культурных образцов и стандартов сообществу и самоорганизации последнего.

О.А. Оберемко рассказал о собственных попытках внедрения стандарта на рецензирование в журнале Кубанского госуниверситета "Человек. Сообщество. Управление". Процедуры рецензирования необходимы, с одной стороны, для того, чтобы издание было включено в список рекомендованных ВАКом для публикации материалов диссертационных исследований. С другой, существует интерес к обсуждению в университетском сообществе правил и технологии публикации. Была попытка заимствовать технологическую схему, например, из «American journal of sociology», но результат, оказался в целом отрицательным. Возможно, главная проблема заключается в том, что все эти усилия совершаются инициативно, бесплатно, альтруистически. Фактически, инициаторы этой деятельности взваливают на себя не очень понятную ответственность. К тому же они становятся объектом критики, агрессии со стороны тех, кому никакая стандартизация и качество не нужны. Но в таком объединении есть и позитивный смысл, который описывается термином *картельный сговор*. Такие соглашения рыночных игроков происходят гораздо чаще, чем об этом принято думать. Причём в ряде ситуаций, например, при установлении цены на совершенно новый продукт, сговор является конструктивным событием. Негативную же оценку и, соответственно, огласку картельные соглашения получают, когда внутренними или внешними игроками устанавливается факт деструктивного воздействия на сообщество, институт или межинституциональные взаимодействия. Поэтому предпринимаемые усилия по стандартизации можно рассматривать именно как картельный сговор части игроков социологического рынка в отношении введения новых правил работы. Причём для социологов ситуация напоминает не только автобус, который толкают пассажиры, но и горшок с молоком, в котором можно либо смириться и утонуть, либо прыгать в надежде, что рано или поздно образуется масло.

По мнению **М.М. Соколова**, круглый стол позволили наметить контуры двух стратегий отраслевой реорганизации. Одна – постепенная революция «сверху» или «из центра», вторая – революция «с периферии». Первая стратегия идентична процессу цивилизации по Элиасу, в ходе которого возникают эталонные центры, модели поведения которых копируются остальными сегментами общества ради статусных преимуществ, которые дает такая имитация. Так в сословном обществе происходит инновационная диффузия, например, распространение практик использования ножа и вилки. Вначале эти приборы начинают использовать кто-то при дворе, потом высшая буржуазия копирует двор, потом низшая буржуазия копирует высшую и, не проходит и 150 лет, как все начинают есть с помощью ножа и вилки. И хотя использование этих приборов

противоестественно, в каждый момент диффузии её субъекты стоят перед выбором – поступать ли им так, как представляется удобным и привычным, или так, как требуют приличия, заданные поведением тех, кого принято рассматривать в качестве образца. Вторая стратегия – это модель соглашения, в результате которого сообщество постепенно отказывается от наименее симпатичных, одиозных практик. Принять сразу сколько-нибудь жесткий кодекс невозможно, т.к. подобный акт ущемляет интересы многих игроков, и большинство станет возражать. Однако, если возникает элитарное соглашение относительно запрета на практики, в которых участвует небольшая часть не самых лучших игроков, то остальные, скорее всего, это поддержат, т.к. лично их это не затрагивает. И так постепенно можно поднять планку. В действительности, обе стратегии вполне могут быть совмещены – можно двигаться из центра и одновременно отрезать по краям.

С.В. Дамберг считает, что важно не ограничивать процесс стандартизации только методами и процедурами исследования. Необходимо регламентировать вопросы организации труда в исследовательском коллективе и его техническое обеспечение, не говоря уже о финансировании проектов. Если исследовательская сеть запрещает своим участникам работать с маленькими выборками, то встает вопрос, где взять деньги на большие. Если сеть так «крута», что понимает необходимость работать с электронными планшетами на очных опросах и что необходим call-центр для телефонных (при этом планшет и центр – это не просто слова, а конкретный список технических параметров), то, вероятно, она (сеть) должна быть готова помочь исследователю, который понимает и принимает её нормы. Исследователю, особенно региональному всегда чего-то не хватает – планшетов, компьютеров, программного обеспечения. Следовательно, такая помощь – реальный стимул для интеграции в сообщество и признания стандартов. Технологические вопросы не отменяют стратегических. И главный стратегический вопрос – как бороться за качество, а не против коллег? Как избежать борьбы с инакомыслием, а точнее, использования данного дискурса для вытеснения конкурентов? Это нужно обсуждать кропотливо и долго. И только когда начнётся разговор о конкретных предметах, а не о социологии «вообще», тема стандартизации и качества станет по-настоящему интересной.

Финансирование является одним из ключевых вопросов обеспечения качества исследований, считает *С.М.Снопина*. Позитивным примером является работа Центра мониторинга социальных процессов в рамках международной программы SPRILO в 2003 г. В рамках этой программы было выполнено исследование бедности в Ленинградской области, для чего по европейским методикам проведен опрос 3000 домохозяйств. Бюджет исследования составил почти 60 000 фунтов, что вчетверо превышает обычные для российских исследователей бюджеты аналогичных по масштабам проектов. Такой бюджет позволил отработать на уровне самых высоких методических и процедурных стандартов. Специально под задачи этого проекта были разработаны несколько абсолютно новых продуктов, например, генератор отбора членов домохозяйства, основанный на применении методики Киша и работающий в интерактивном режиме на руках интервьюера. Результаты исследования были полностью открыты – представлены в Интернете на сайте программы SPRILO. Фактически это образец, как надо проводить исследование и, что важно, как надо его

финансировать. Обратный, негативный пример – то как была организована последняя перепись населения России, результаты которой у многих вызывают огромные сомнения.

У Центра мониторинга социальных процессов есть и опыт внутренней стандартизации. Речь идет о собственных представлениях о качестве исследования и самоконтроле на основе этих представлений. Центр не берется за проекты, условия выполнения которых не укладываются в рамки этих внутренних стандартов, более того готов транслировать эти стандарты. Например, методика проведения exit-poll, отработанная вначале на выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга, а потом и на выборах в Государственную Думу РФ – это уже практически готовый стандарт данной процедуры, учитывающий все нюансы организации опроса в российских условиях и позволяющий получать погрешности менее одной сотой процента. Наверняка, у многих коллег есть аналогичные разработки, и они будут внедряться при условии адекватного финансирования. Социологи готовы работать, дайте только такую возможность!

Н.Г. Скворцов

предложил рассматривать факультет социологии СПбГУ как один из центров развития дискуссии о качестве и стандартизации в социологических исследованиях. Хотя сам факультет создавался и развивался как центр социологии теоретической. А сочетать теоретическое и прикладное направления в

нашей отрасли очень непросто – об этом писал еще В.А.Ядов в своей статье о предмете социологии. Но нужно понимать, что это необходимо. Нельзя ждать, когда стандарты будут разработаны чиновниками и «спущены сверху». Государство может издать любой нормативный акт, в т.ч. и о стандартах в социологии. Прекрасный пример такого рода – подписанный в свое время указ Б.Н.Ельцина «О развитии психоанализа в Российской Федерации». Поэтому самим исследователям всё-таки важно достичь консенсуса. В этом вопросе можно было бы опираться на социологические ассоциации, которых в России немало – наш социолог может состоять в пяти, а то и всеми разных организациях одновременно. Есть свое социологическое общество им. М.М. Ковалевского и на факультете. Но оно, как и большинство других, ориентировано больше на академическую деятельность. А вот формат ассоциации полстеров, прикладных социологов в России практически не развит. А такая ассоциация могла бы стать площадкой для разработки стандартов. Интересные процессы происходят сегодня вокруг нового направления, названного *публичной социологией*. В нем находят себя и сотрудничают и теоретики, и прикладники, и специалисты из других сфер, вообще не связанных с социологией – публичные политики, менеджеры, чиновники и т.д. В таком формате уже проходят международные конгрессы, и, вполне возможно, именно такой формат позволит найти

необходимый для стандартизации компромисс. Факультет социологии СПбГУ планирует активно и, что важно, стратегически развивать это направление. Здесь не достичь серьёзного успеха одним рывком – нужно потихонечку продвигать идеи стандартизации и методы управления качеством – и в журнале, и на сайте, проводить публичные обсуждения. Но главное – оставаться при этом профессионалами, работать профессионально.

А.С. Карпов поделился собственным опытом создания культурного стандарта. Во-первых, это касается концепции *демократии участия*, которую Центр экспертиз ЭКОМ внедрил в практику подготовки и принятия решений. На данный момент проведено уже четыре гражданские конференции, участники которых работали в формате, подобном суду присяжных. Весь процесс носит открытый характер. Его участники (в отличие от респондента в социологическом исследовании) получают значительные права влиять на процедуру – формулировать вопросы, корректировать формулировки, предлагать решения и т.д. Естественно, при внедрении этой технологии встал вопрос о стандарте, т.к. здесь очевидна угроза манипулирования результатами. И оказалось, что выработать стандарт *на процедуру* очень сложно. Вместо этого были зафиксированы *ключевые принципы и обязательность аудита*. И тут же мы столкнулись с дефицитом компетентных аудиторов.

Этот пример научил нас, что носителем стандарта, как сложного социального знания, является сообщество. Возможность поддержания этого знания зависит от размеров сообщества и плотности связей в нём – в маленьком сообществе сложное знание будет утеряно, стандарт выродится в ритуал.

Во-вторых, интересен опыт внедрения методов *партиципаторной оценки*. Эти методики похожи на привычные социологам фокус-группы, с тем отличием, что результат вырабатывается самими участниками (а не исследователем) и непосредственно в ходе группового обсуждения (а не по его окончании на основании анализа материалов). ЭКОМ начал готовить тренеров и ведущих для применения этих процедур и выяснилось, что здесь, прежде всего, нужно стандартизировать *поведение ведущего*, которому вопреки привычкам и правилам культурной среды необходимо организовывать совместную деятельность группы, а не обсуждение.

Ближайшая практическая задача по обеспечению качества социологических исследований состоит в том, что можно условно обозначить как *«открытие кодов»*. Не обязательно открывать все данные – важно показать существенные аспекты получения достоверных результатов. На сегодня университеты подготовили огромное количество людей, которые в состоянии обрабатывать, перепроверять, манипулировать данными. И если включить их в такой коллективный процесс, эффект будет выше, чем от экспертной оценки – тысячи глаз быстрее заметят ошибку, чем один.

О.В. Тюсова показала преимущества стандартизации исследовательских подходов и процедур на примере позитивного опыта реализации проектов в области общественного здоровья и профилактики ВИЧ. Такие проекты, выполненные Биомедицинским центром, подразумевают применение наряду с медицинскими, психологическими и др. также и социологических методов. Первое преимущество стандартизации процесса такого мультидисциплинарного исследования состоит в обеспечении определённого (высокого) уровня

организации труда и взаимодействия специалистов различного профиля. Например, социальные работники с целью повышения собственной репутации в сообществе наркопотребителей да и просто по человечески могут стремиться к тому, чтобы предоставить услуги по тестированию на ВИЧ, консультированию и медицинской помощи максимальному числу

посетителей медико-психологического центра. Однако протокол содержит полностью стандартизированное описание процедуры отбора участников исследовательского проекта и регламентирует доступ к названным сервисам соответственно статусу участника.

Во-вторых, стандартизация методик и процедур позволяет сравнивать результаты, полученные в разных исследовательских центрах, странах, в разное время и т.д. Например, на базе выполненных исследований проводится сравнение эпидемических и социальных показателей в Санкт-Петербурге и нескольких американских городах.

В-третьих, позволяет осуществлять внешний контроль качества. При наличии протокола можно проверить, насколько документация и процедуры исследования соответствуют тому, что было заявлено изначально. На практике это обычно осуществляется сотрудниками сторонней организации, с которой заключен контракт на выполнение контроля качества на разных стадиях исследования.

Стоит обратить внимание и на то, чего не следует делать в процессе стандартизации. Прежде всего, необходимо избежать прямого заимствования, *копирования* иностранного опыта, иностранных стандартов. Постсоветская социология грешит использованием «калек» с английского и других языков. Нельзя просто внедрять переводы стандартов, которые разработаны применительно к иному социально-культурному контексту. Такие попытки не приведут ни к чему хорошему. Необходимо осмыслить западно-европейские и американские подходы к стандартизации, сделать качественные (подобные литературным) переводы нормативных документов, понять, какие элементы могут быть использованы у нас, и обязательно проводить их адаптацию к российским условиям.

А.М. Хохлова видит три основных направления стандартизации социологических исследований. Во-первых, это создание *этического кодекса*, регламентирующего взаимодействие исследователя с основными заинтересованными контрагентами – государством, заказчиком и т.п. Это направление не вызывает опасений, т.к. даже если такой кодекс не будет поддерживаться всеми участниками отраслевого рынка или на определенном этапе исходные смыслы, вложенные в документ его создателями, будут забыты и произойдет ритуализация этических практик, готовые рецепты такого рода все

равно будут оказывать позитивное влияние на поведение отраслевых агентов. Во-вторых, речь идет о *стандартизации процедур*, и это самое проблемное направление, особенно в отношении качественных исследований. Если в количественных методах прослеживаются некоторые общепризнанные подходы и критерии качества, то в исследовании качественном можно говорить только о прозрачности и рефлексивности на разных этапах работы. Поэтому именно принцип открытости имеет смысл выбрать в качестве базы при стандартизации на процедурном уровне. Третье направление – создание некоего интегрального документа, который должен быть легитимирован в сообществе. Здесь обсуждение строится даже больше вокруг проблем внедрения или даже «навязывания» стандарта сообществу, чем собственно его содержания. Опять-таки заслуживает поддержки, прежде всего, тезис об открытости как основополагающем принципе работы исследователя.

Н.В. Соколов сообщил, что Лаборатория «Центр социологических исследований» уже почти десять лет проводит экспертизы качества социологических проектов. За это время найдены концептуальные, методические и процедурные решения многих проблем в области внешнего контроля в социологическом исследовании. Например, проблема плотности сетевых взаимодействий в социологическом сообществе, в результате чего почти любой эксперт либо ангажирован, либо скован моральными обязательствами, решается «ослеплением» эксперта. Другое дело, что слепая экспертиза невозможна в отношении социологических проектов в целом – они, как правило, узнаваемы в силу своей уникальности, узнаваем «почерк» исследователя. Следовательно, нужно «препарировать» материалы, документацию исследования, «обманывать» таким образом эксперта – это сложно, трудоемко, но возможно. Другая проблема отрасли – отсутствие легитимных канонических источников. Никто, в т.ч. и факультет социологии СПбГУ, не может претендовать на роль «носителя правильного мнения». А это значит, что нужно создавать *сообщество экспертов*, дискуссия которых и будет порождать оценку. Сегодня коммуникативные технологии позволяют организовывать такую работу дистантно, что существенно расширяет географию такого экспертного сообщества. Третья и очень непростая проблема – это вопрос об открытости исследований. Как и любая отраслевая технология, социологическое исследование не может избежать тенденции к сохранению коммерческой и производственной тайны. История практически всех отраслей – это история технологических секретов. Копировать технологию можно гораздо быстрее, проще и дешевле, чем создать её. Поэтому при полной открытости в проигрыше неизбежно окажется тот, кто придумывал, экспериментировал, апробировал и т.д. – он не успеет окупить затраты на разработку до того, как его достижение скопируют. Следовательно, открытость должна быть регламентирована, определена её *мера*, не допускающая, в частности, недобросовестного манипулирования открытыми материалами в целях конкурентной борьбы. Например, ЛЦСИ обычно использует правило: *интегральная оценка – публична, детализация – для ограниченного доступа*. В настоящее время на факультете социологии СПбГУ ведется разработка стандарта по обеспечению качества первичных эмпирических данных, использующихся при подготовке квалификационных работ по социологии.

Оптимальной для нашей отрасли представляется стратегия *ограниченной стандартизации* – рамочное нормирование отдельных элементов технологии в

пределах определенного сегмента отрасли. Если добровольное выполнение определенных стандартных требований будет положительно отражаться на рыночных позициях исследователя, желающие присоединиться к этому процессу наверняка появятся. Но сегодня пока не видно его «ядра» - того самого сегмента профессионального сообщества, который инициирует внедрение стандартов. И, судя по всему, сам по себе этот сегмент не появится - его нужно создать. Второй стратегический момент – развитие *методических экспериментов*, аналогичных тем, которые проводятся в естественнонаучных отраслях. Речь идет об экспериментах, специально нацеленных на изучение возможностей измерения социальных объектов, определения реальных погрешностей и проверку качества фактически собираемого в ходе исследования материала. Например, реальные погрешности массовых опросов могут быть проверены контрольными замерами охвата населения приманкой (PR-продуктом), специально распространенной в пределах локального территориального сообщества.

Завершая второй круг обсуждения, **О.Р. Могилевский** обратил внимание участников на связь качества и *репутации* исследователя. Современное американское сообщество полстеров не дискутирует о стандартах, потому что именно репутация – главный стандарт, которому подчиняются исследователи. Это позволяет дискутировать о нюансах технологии. Необходимо воспитывать внутреннюю ответственность исследователя, формировать ситуацию, в которой некачественные исследования делать *неприлично*. Нужно уходить от логики: не нравятся результаты - значит исследование некачественное. Необходима постоянная дискуссия о методах и качестве, потому что практику всегда есть что показать и обсудить. А тому, кто уклоняется, боится такого обсуждения – тому сложнее верить.

Резюмируя состоявшуюся в рамках круглого стола дискуссию, стоит, прежде всего, отметить высокую заинтересованность профессионального сообщества в обсуждении данной проблематики. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов бренды организаторов – Санкт-Петербургского государственного университета и Исследовательской группы ЦИРКОН, усилия рабочей группы, а также, что немаловажно, грамотный подбор участников. Однако нельзя не отметить, что практически все специалисты, которым были направлены именные приглашения, продемонстрировали интерес к мероприятию и выразили готовность участвовать в нем. Фактическая же «явка» составила примерно $\frac{3}{4}$ от числа планировавших своё участие, что для мероприятий такого рода является довольно высоким показателем.

Во-вторых, обращает на себя внимание продолжительность и напряженность состоявшейся дискуссии. Несмотря на отказ от формата заранее подготовленных презентаций, участники представляли развернутые, содержательно насыщенные выступления. Не менее интересными оказались и не отраженные в этом отчёте реплики, вопросы и микродискуссии, сопровождавшие всю работу круглого стола. Фактическая продолжительность мероприятия превысила ожидаемую в полтора раза. При этом далеко не все вопросы, предварительно предложенные организаторами, были рассмотрены достаточно подробно. Таким образом, общее настроение участников на момент завершения работы состояло в необходимости продолжить эту дискуссию.

Состоявшийся обмен мнениями показал, что потребность в определенной стандартизации сферы социологических исследований наблюдается большинством участников отрасли, а перспективы появления тех или иных стандартов воспринимается если не неизбежной, то вполне вероятной. При этом отмечено весьма значительное число препятствий для развития этого процесса, многие из которых коренятся в собственно отраслевой специфике. В результате, пожалуй, ключевым вопросом стандартизации оказывается вопрос об её субъекте, т.к. в сложившейся системе взаимоотношений отраслевых агентов – исследователей, заказчиков, институтов и т.п. – не удастся обнаружить тот «центр силы», который был бы способен претендовать на лидирующую роль в процессе разработки и внедрения стандартов качества.

Показательно, что почти все участники круглого стола сообщали о том или ином опыте в области управления качеством исследований. При этом позитивный и негативный опыт в этой области упоминаются практически в равных пропорциях, что свидетельствует о довольно сложной

отраслевой реакции на инициативы по применению подобных процедур. С другой стороны, представленный опыт является весьма разнообразным, а в некоторых случаях – уникальным. Другими словами, усилия отдельных компаний, заказчиков, общественных групп разрозненны и разнонаправлены. Требуется координация на основе определенного профессионального консенсуса для того, чтобы инструменты управления качеством стали привычными для социологического сообщества.

В целом, прошедший круглый стол стал важным и, хочется верить, далеко не последним шагом в развитии методов управления качеством и внедрения элементов стандартизации в социологических исследованиях. Необходимость продолжать эту дискуссию, расширять круг её участников и переводить разговор в практическую плоскость – вот, пожалуй, главный вывод обсуждения, состоявшегося на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

*Подготовлено: Соколов Н.В.
Фотографии: Жирохова Е.М.*